

СЛОВА, СЛОВА...

Слова, слова... То они в избытке, будто пивная пена через край, и, как поётся: «Ах, оставьте, не лукавьте, всё слова, слова, слова!», а то – молчок, не услышишь ответа, ни полслова. Надо было быть абсолютно слепо-глухо-немым, чтобы совершенно не замечать многотысячные, многомесячные манифестации против его политики, – и тогда Макрон, такой журнальный, такой эластичный, явил незыблемое, молчаливое, гордое мраморное величие перед всем этим возмущённым нищим плебсом.

Но одни бунтари угомонились, – другие объявились, с коровьим навозом и сеном, вываленными у фешенебельных зданий, – крестьяне. Ну ладно, это так себе, можно не обращать внимания, можно включить полицейских, пусть разомнутся, практика лучше тренировок. А что с Олимпиадой? Спортсмены только ещё приедут отовсюду, а крысы уже рекордные забеги устраивают, прямо под носом, в славном городе Париже. Клубки проблем – как навозные кучи, а новой попытки избраться уже не будет, и что останется Франции на память о её Президенте с иголки? Не мраморный бюст, нет, даже не из сырого песка, а все эти навозные кучи. Ох, ох... И – вдруг! – весь мир внимает Макрону: намерен он послать своих военных на фронт против России! И грозит-то ведь всерьёз, не проигнорируешь. Правда, в своей перевозбуждённой речи новоявленный французский Хлестаков запомнил одну совсем

коротенькую фразу, французско-русскую: «C'est la Berezina». Что переводится: «Это Березина». И означает – опять же в прочтении французов, – ни много, ни мало «Тотальная катастрофа». Для всей распрекрасной Франции...

Не жалеет грозных словес для России и Эстония (впрочем, и остальные юго-восточные балтийские республики стараются не отставать, идти ноздря в ноздю). Страна маленькая, но соперничать готова хоть с огромными коровьими стадами. В создании парникового эффекта. Своего, специфического, эстонского. Пыжится, тужится, беденькая, из последних силёнок, не жалея бухающих фраз – и иных обильных сопутствующих звуков.

И понимают ведь говорливые эстонские шоу-политики: шум этот – пшик, выхлоп в небо, но зато какой обоняемый и громкий, звучный, ух! Да и как ещё иначе – среди большого и самостоятельного мира – им, беспомощным и послушным, держащим нос по ветру, привлечь к себе внимание?

Слова, слова... Как любит, выкликая нам санкции-напасти, покрасоваться на трибуне в невинно-розовом костюмчике глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйн. И, кажется, одна лишь приставка «фон» к её имени создаёт чуть ли не аристократический, элитарный фон для всей брюссельской сходки.

Но какие санкции можем мы применить против самой Урсулы? Как, например, запретишь немецкой аристократке краситься из брюнетки в платиновую блондинку? Как запретишь немецкой аристократке приглушать тональным кремом заметно выступающие скулы, – из желания выглядеть этой самой аристократкой? Не запретишь. Каждая дама имеет право приукрасить себя. Но вот было бы очень кстати напоминать и самой Урсуле фон, и её окружению, откуда же взялось это «фон». Оказывается, (по данным интернета) свою «аристократическую» карьеру её прадед начинал в России. Как бойкий торговец (или посредник в торговле) – текстилем и текстильным оборудованием. Достаточно разбогатев, основал собственное текстильное производство и вот тогда-то, за успехи в этом деле, и был – повелением российского императора – пожалован в дворянство, стал бароном. Такой вот изгиб прадедовой и девичьей судьбы, и эта обратная сторона драгоценной фамильной награды весьма любопытна. Вопрос: может ли современная Россия – юридически, как преемница Российской империи, – лишит Урсулу её дворянского звания, за оскорбления и выпады против нашей страны? Увы, если и реально, то канительно. Зато можно обратиться к самой даме, к её принципиальности и, так сказать, гражданской совести. Ведь нередко те, кто осуждает политику какого-то государства, отказывается от его наград, регалий и званий. И как правильно, как честно было бы со стороны Урсулы отказаться от потомственного дворянского звания, присвоенного её роду не в милом сердцу фатерлянде, а в столь ненавистной ей России. Это ж логично! И была бы дамочка просто гражданка Урсула Ляйн и не «фонила» бы, а, может, и вообще стала бы неинтересной её коллегам. Но нет, не откажется, будет по-прежнему дребезжать против нашей страны.

Да и у нас со словами случаются огрехи. Или недомолвки. Вот, к примеру, один, короткий, телерепортаж о военных врачах и реабилитационном центре для бойцов с фронта. Выходили, излечили тяжело раненного бойца. Как было сказано, благодаря профессионализму военных хирургов и реабилитационному центру удалось спасти человеку жизнь. На этом репортаж закончен. Вроде бы всё понятно, и что это не просто пациенты, а воины, и мы мысленно благодарим и военных хирургов, и реабилитационный центр, да и сам спасённый устало их благодарит – и будет, наверно, благодарен до гробовой черты. И всё-таки остаётся ощущение недосказанности, досадной, несправедливой недомолвки. Главный вопрос: а почему вдруг пришлось спасать жизнь человеку? А потому, что вначале именно он, боец передовой, постоянно рискуя жизнью и морально го-

товый пожертвовать ею ради долга, спасал нашу страну, Отечество. За что, – разумеется, не забывая о профессиональном подвиге и других, – надо в первую очередь благодарить именно его, прошедшего все тяжкие испытания, российского бойца. И на этих, никогда не лишних, словах благодарности героям-воинам экономить время репортажей не стоит.

Слова, слова... Среди предвыборных лозунгов прозвучала цитата: «Я подниму Россию с колен!» А не слишком ли? Такие слова лучше бы говорить за себя и про себя: «Я подниму с колен мою семью, я подниму с колен всех моих родственников, даже дальних, я, наконец, подниму с колен и самого себя, – только доверьтесь. Я сказал!» Так – пожалуйста. Но говорить о коленях России, – даже в предвыборном раже, – не стоит. Тем более, что на коленях Россия (как, впрочем, и другие страны и народы) не стояла. Аккуратнее надо быть в запальчивых похвалах себе, любимым...

03.03.2024 г.